УДК 728.03

DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-5-50-64

*М.А. РУБЛЕВ¹, Р.В. БУЛГАЧ²,**¹Новосибирский государственный**архитектурно-строительный университет (Сибстрин),**²Новосибирский государственный университет**архитектуры, дизайна и искусств*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ УСАДЕБ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИТОМЬЯ В 1900–1960 ГГ.

Проводится анализ изменений архитектурных и функционально-планировочных решений усадеб сельского населения на территории Притомья – бассейна р. Томи – в период 1900–1960 гг.

Актуальность темы заключается в выявлении закономерностей (оценке характера) трансформации функционально-планировочных решений крестьянских усадеб (славянского) сельского населения Притомья. В рамках исследования определены основные периоды трансформации, факторы, влияющие на изменения в планировочной структуре усадеб, степень и характер их влияния.

Основная цель исследования – выявление закономерностей трансформации и анализ опыта адаптации функционально-планировочной организации сельских усадеб Западной Сибири к меняющимся типам экономических отношений в сельском хозяйстве: от частной собственности до жесткого государственного контроля (новому типу экономических условий) за период 1900–1960 гг. При этом основными задачами исследования являются: 1) определение этапов эволюционного развития функционально-планировочной организации сельских усадеб; 2) выявление комплекса факторов, определяющих изменения функционально-планировочной организации сельской усадьбы за указанный период; 3) эволюция характера и структуры функционально-планировочной организации сельских усадеб.

В ходе работы использовались следующие методы: анализ источников и литературы по теме исследования, сравнительно-исторический метод при определении основных типов архитектурных решений усадеб Притомья на период конца XX в., система этнографических методов полевого исследования для сбора материалов, необходимых для проведения исследования (интервьюирование, экспертные опросы, обмеры, фотофиксация).

Научная новизна исследования заключается в определении характера и итогов трансформационных процессов функционально-планировочных решений в этнокультурном отношении при формировании сибирской материальной культуры XX в. Теоретической основой данного исследования являются работы сибирских историков, архитекторов и этнографов, таких как А.Ю. Майничева, В.А. Ильиных, Е.А. Ащепков, О.Н. Шелегина, Л.А. Скрыбина и др.

Ключевые слова: архитектура сельской усадьбы; эволюция крестьянской усадьбы; функционально-планировочная структура; функциональная зона; этап эволюции усадьбы; влияние коллективизации на функционально-планировочные решения крестьянских усадеб; архитектура крестьянских усадеб Притомья.

Для цитирования: Рублев М.А., Булгач Р.В. Трансформация функционально-планировочной организации сельских усадеб на территории Притомья в 1900–1960 гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22. № 5. С. 50–64.

DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-5-50-64

M.A. RUBLEV¹, R.V. BULGACH²,

¹Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,

²Novosibirsk State University of Architecture, Design and Fine Arts

FUNCTIONAL AND PLANNING ORGANIZATION OF RURAL ARCHITECTURE NEAR THE RIVER TOM IN 1900–1960

The paper analyzes the changes in the functional and planning solutions of the rural architecture near the river Tom during the period of 1900–1960. The study identifies the main periods of transformation, factors affecting changes in the planning structure of the region, the degree and nature of their influence. The purpose of the paper is to identify the regularities of transformation and analyze the experience of adapting the functional and planning organization in West Siberia to changing economic relations in agriculture: from private ownership to strict state control (a new type of economic conditions) for the period of 1900–1960. The following problems are considered:

1. Identification of factors that determine changes in the functional and planning organization of the rural architecture for the specified period.

2. Determination of the development stages of the functional and planning organization of the rural architecture.

3. Evolution of the nature and structure of the functional and planning organization of the rural architecture.

Methodology and approaches involve the literature review, comparative and historical method of determining the architectural styles of the river Tom region for the period of the late 20th century, ethnographic methods of field research to collect the required materials (interviews, surveys, photographs).

The research implications determine the nature and results of transformation of functional and planning decisions in the context of Siberian material culture of the 20th century. The theoretical basis of this research is the work of Siberian historians, architects and ethnographers.

Keywords: rural architecture; functional and planning organization; functional area; evolution stages; collectivization; the river Tom.

For citation: Rublev M.A., Bulgach R.V. Transformatsiya funktsional'no-planirovочноi organizatsii sel'skikh usadeb na territorii Pritom'ya v 1900–1960 gg. [Functional and planning organization of rural architecture near the river Tom in 1900–1960]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture. 2020. V. 22. No. 5. Pp. 50–64. DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-5-50-64

На сегодняшний день тема крестьянской архитектуры является достаточно исследованной. А.Ю. Майничева в работе «Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.)» рассматривает архитектурно-строительные традиции крестьян, основные этапы их формирования, основные проблемы и пути их эволюционных изменений. В работе О.Н. Шелегиной «Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири» рассматриваются архитектурно-строительные традиции русских крестьян Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в., основные этапы и особенности формирования данных традиций. В работах Л.А. Скрыбиной «Русские Притомья» и В.М. Кимеева «Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости» рассматриваются архитектурно-строительные традиции славянского населения Притомья в период XVII – начало XX в.

В работе Е.А. Ащепкова «Русское народное зодчество в Западной Сибири» рассматриваются вопросы архитектурных и планировочных решений домов и усадеб крестьян Западной Сибири.

Проблема исследования настоящей работы определяется отсутствием описания процесса трансформации крестьянской архитектуры в период 1900–1960 гг., несмотря на обширные исследования в области архитектуры, экономики и общественно-политических процессов в сибирской деревне.

Цель данного исследования – выявление закономерностей трансформации и анализ опыта адаптации функционально-планировочной организации сельских усадеб Западной Сибири к меняющимся типам экономических отношений в сельском хозяйстве: от частной собственности до жесткого государственного контроля (новому типу экономических условий) за период 1900–1960 гг. Исходя из цели, для решения обозначенной проблемы были поставлены следующие задачи исследования:

1. Выявление комплекса факторов, определяющих изменения функционально-планировочной организации сельской усадьбы за указанный период.
2. Определение этапов эволюционного развития функционально-планировочной организации сельских усадеб.
3. Эволюция характера и структуры функционально-планировочной организации сельских усадеб.

Процесс формирования функционально-планировочных решений крестьянских домов и усадеб зависит от множества факторов, причем процесс изменений, спровоцированных этими факторами, напрямую зависит от степени и характера эволюционного либо революционного развития процессов, влияющих на функционально-планировочные решения. Архитектура сельского жилища региона формировалась в рамках традиционной народной крестьянской культуры с начала освоения Сибири. Согласно исследованиям А.Ю. Майничевой [1, с. 102], процессы развития архитектурно-строительных традиций до начала XX в. были определены адаптационными процессами различных этнических общностей, т. е. ключевым фактором формирования архитектурных традиций помимо природно-климатических и социально-экономических факторов являются этнические процессы, которые, в свою очередь, формируют типологическое разнообразие функционально-планировочных решений, сформировавшееся на исследуемой территории к началу XX в. Важно выявить степень влияния каждого из этих факторов на архитектуру усадьбы. В вопросе формирования именно функционально-планировочных решений весьма важна степень влияния каждого из упомянутых факторов. Анализируя результаты влияния каждого отдельно взятого фактора, возможно определить характер и степень его влияния.

К группе *природно-климатических факторов* следует отнести все факторы, определяющие вид хозяйства (скотоводческое, земледельческое, смешанное и пр.), что в свою очередь будет являться определяющим при построении функционально-планировочной структуры. Особенностью данного фактора является то, что по своей сути он является константным, вне зависимости от этнических особенностей и социально-экономических факторов. Согласно этнографическим данным Л.А. Скрыбиной [2], для исследуемой территории Томи

(как и для территории Притомья) характерно смешанное использование элементов земледельческих и скотоводческих хозяйств в структуре одной усадьбы.

К группе *этнических факторов* следует отнести ряд традиций, являющихся характерными для отдельных этнических групп и формирующих определенные различия в организации хозяйств. К такой особенности следует отнести изолированность скотных дворов у старожильской группы населения, тогда как переселенцы не имели такого разделения [2]. Другой особенностью является распространение замкнутого типа планировки усадеб у старожильского населения и свободного у переселенческого. Аналогичные традиции в организации усадьбы наблюдались и на территории бассейна р. Оби [1, с. 26–30], что позволяет говорить об идентичности архитектурно-строительных традиций у соответствующих этнических групп на территории бассейнов рек Оби и Томи.

В большой степени *социально-экономические факторы* формирования архитектуры сельского жилища регулируются политическими решениями в обществе. Примером такого решения является Столыпинская реформа, благодаря которой на территорию Западной Сибири стали массово проникать иные этнические группы с территории Украины, Белоруссии, Центральной России, что спровоцировало появление новых типов планировочных решений усадеб, перераспределение землепользования и прочее, однако следует отметить, что на период конца XIX в. влияние государства не было столь значительным, как в последующие годы.

Сравнивая же воздействие факторов на период до 1917 г., следует отметить равнозначность влияния всех трех групп факторов, обеспечивающих эволюционное развитие крестьянских хозяйств. Доказательством данного тезиса служит общность стереотипов в культуре строительства [Там же, с. 104], несмотря на мультикультурное многообразие и сохранение элементов исконных культур. Преобладание природно-климатических либо социально-экономических факторов над этническими особенностями привело бы к нивелированию этнических особенностей строительства. В свою очередь возможное преобладание этнических особенностей над природно-климатическими и социально-экономическими факторами могло бы привести к преувеличенной локализации самобытности архитектуры жилища этносов-переселенцев, о чем в своем исследовании говорит А.Ю. Майничева [Там же].

Для анализа процесса трансформации функционально-планировочных решений крестьянских усадеб исследуемой территории необходимо определить основные этапы данной трансформации. Так как основным фактором воздействия на сельское хозяйство в XX в. стали социально-экономические преобразования, наиболее верным является определение этапов трансформации, исходя из основных социально-экономических изменений в крестьянском социуме Западной Сибири. Точкой отсчета этапов преобразований следует считать события 1917 г., ввиду кардинального изменения общественно-политического строя.

Согласно исследованиям В.А. Ильиных [3], в период 1910–20-х гг. качественных изменений производственных отношений в аграрной сфере не произошло, следовательно, предпосылок к изменениям функционально-

планировочных решений усадьбы на тот период сформировано не было. Исключением был непродолжительный период продразверстки, который вскоре был заменен НЭПом, разрешившим вновь рыночные отношения в сельском хозяйстве. Началом кардинальных перемен в организации усадьбы следует считать 1929 г., когда стала проводиться государственная политика ликвидации частной собственности в сельском хозяйстве и проведения массовой коллективизации, что фактически обрушило структуру крестьянского хозяйства, а вслед за этим трансформировалась и функционально-планировочная организация усадьбы. Данный период продолжался до 1953 г., после которого начался третий этап трансформации, при котором крестьянскому населению были постепенно возвращены основные гражданские права, в том числе и права собственности. Появились совхозы, роль которых в дальнейшем существенно увеличилась и которые, по сравнению с колхозами, обеспечивали более высокий уровень благосостояния на селе, но имели иную форму организации труда. Данный период продолжался до 1960-х гг.

Для анализа процесса трансформации необходимо произвести описание функционально-планировочной структуры усадьбы по всем трем анализируемым периодам.

В первый период (1900–1929 гг.) трансформации, как и говорилось выше, принципиальных изменений в организации хозяйств коснулись прежде всего смещения традиций в организации усадеб внутри различных этнических групп. В период с 1900 по 1917 г. крестьянские хозяйства можно было разделить на 2 типа: старожильческие и переселенческие. Согласно материалам Л.А. Скрыбиной [4, с. 62], отличительной особенностью организации двора *первого типа* на начало XX в. было П-образное расположение построек с размещением дома с левой либо правой стороны от ворот. Амбар ставился напротив дома торцом к улице, между домом и амбаром организовывался забор в технике заплота. В задней части двора устраивался скотный двор, состоящий из временных построек и навесов. За скотным двором устраивался огород. Основной особенностью крытых дворов являлось сезонное покрытие чистого двора в зимний период. Дома в данном типе усадеб представлены домами-пятистенками, домами-связями и домами-крестовиками [6] (данные по Томскому округу).

Организация усадьбы по первому типу производилась, как правило, в один либо в два уровня. При этом в последнем случае одна функция объединяла оба уровня. Двухуровневое расположение жилых изб, нижний скотный двор и верхний чистый двор. В данной планировочной схеме наблюдается четкое разделение усадьбы на две части. В первой части выполняются функции проживания, хранения продукции, транспорта, инвентаря, т. е. функции, направленные непосредственно на жизнедеятельность проживающих в данной усадьбе. Во второй половине усадьбы выполняются функции производства сельскохозяйственной продукции, связанной как со скотоводством, так и с земледелием. Разделение усадьбы по такому принципу позволяет поддерживать высокий санитарный уровень жизни, оптимизировать трудовые процессы с учетом сезонности и климатических особенностей (крытый двор в зимнее время позволяет снижать затраты труда на борьбу с осадками

и обеспечивает удобный доступ ко всем постройкам). Пограничное расположение скотного двора позволяет создавать близкую доступность до жилища, одновременно с этим производить сезонную очистку скотного двора с выносом удобрений в сторону огорода. Также функционирование скотного двора в формате временных построек дает возможность проводить его быструю перепланировку в случае увеличения/уменьшения поголовья скота. В целом в данном типе усадеб производится реализация принципа замкнутости, т. е. максимальной самодостаточности как градостроительного элемента.

Вторым типом организации двора было его встраивание в структуру двойных и тройных домов [4, с. 62]. Наиболее подробно усадьбы подобного типа описаны А.Е. Ащепковым в деревнях Проскоково [7, с. 47] и Алаево [Там же, с. 49]. Принципиально, с позиции функционального зонирования, такие схемы представлены на рис. 1–2. Также о существовании данной традиции упоминает в своих исследованиях Л.А. Скрыбина [4, с. 62].

Рис. 1. Принципиальная схема замкнутого типа планировки усадьбы, характерного для старожильческих культур. Тип 1

Организация усадьбы по данному принципу имеет те же положительные стороны, что и решения усадьбы первого типа, однако при этом имеет лучшие условия для содержания скота. Такая компактная структура тройного дома-усадьбы обеспечивает минимальные теплопотери и перераспределяет это тепло от жилой избы к чистому двору и хозяйственным постройкам, что соответствует современным принципам экологичности. Однако недостатком двойной-тройной избы является необходимость увеличенных затрат на строительство, теряется возможность перепланировки усадьбы в случае изменений в структуре хозяйства. В этом варианте усадьбы принцип замкнутости реализован более отчетливо. Связь с помещениями для скота и помещениями для хранения сельхозпродукции осуществляется через чистый двор.

Рис. 2. Принципиальная схема функционального зонирования тройного дома-усадьбы для старожильческих культур. Тип 2

Третьим типом организации усадьбы на территории Притомья был двор свободной планировки [4, с. 63], характерный для переселенческих культур (рис. 3). Основной особенностью планировки данного типа было хаотичное расположение хозяйственных построек по территории усадьбы. При этом постройки для содержания скота были капитальными. С точки зрения функционального зонирования этот тип примечателен смешением различных функций на одной территории, что, с одной стороны, затрудняет организацию технологических процессов в хозяйстве, с другой стороны, открывает возможности по развитию отдельных элементов усадебного комплекса. Ключевым отличием переселенческих усадебных комплексов от старожильческих было отсутствие капитальных ограждений, т. к. в качестве ограждений переселенцы использовали плетень и жердевые заборы.

Рис. 3. Принципиальная схема функционального зонирования усадеб свободной планировки, характерная для переселенческих культур. Тип 3

Как отмечают некоторые исследователи [8], реализация описанных выше функционально-планировочных решений усадьбы обеспечивала высокий экологический потенциал, что, в свою очередь, говорит о высоком уровне приспособленности к природно-климатическим условиям.

В период 1900–1929 гг. крестьянская усадьба претерпела незначительные изменения. Первоначальным изменением, затронувшим старожильческие культуры, стало появление капитальных построек на месте скотного двора (рис. 4), по аналогии с переселенческими культурами. Вместе с этим происходит утрачивание традиции крытых дворов. При этом в некоторых случаях происходит процесс переноса бань в структуру усадьбы.

Рис. 4. Принципиальная схема функционального зонирования старожильческого усадебного комплекса в период 1900–1929 гг.

В свою очередь, в переселенческих усадьбах изменения затронули только организацию жилой зоны, т. к. в старожильческих традициях ориентация дома относительно улицы производилась по следующему принципу: дома-связи ориентировались торцом к уличному проезду, дома-пятистенки – фасадной частью, тогда как у переселенцев дома-пятистенки выходили торцом на улицу. Но в период 1900–1929 гг. наметилась устойчивая традиция к использованию традиций старожил в переселенческой строительной практике [4, с. 65].

Следует учесть, что в указанный период наблюдалось снижение доходности сибирского крестьянства, вызванное политикой продналога, из-за введения которого начала сокращаться доля зажиточного и бедного (батрацкого) крестьянства [5]. Следовательно, можно говорить о выравнивании социальных групп в сибирской деревне по имущественному признаку. Однако, учитывая сохранность традиций предыдущего периода, можно сделать вывод о незначительности влияния государственной экономической политики на архитектуру усадьбы в период 1900–1929 гг.

Анализируя данный период с позиции всех трех факторов индуктивным методом, следует сделать вывод о том, что ключевыми факторами трансформа-

ции в этот период стали политические изменения, повлекшие за собой активное переселение, и этническое взаимодействие, благодаря которому произошёл культурный обмен строительными традициями переселенческих и старожильческих этнокультурных групп. Дополнительной стимуляцией взаимодействием архитектурных традиций при этом выступали экономические обстоятельства. При этом ключевых изменений в функциональном зонировании не произошло. В целом характер изменений в структуре усадьбы можно назвать эволюционными, т. к. данные изменения связаны с поиском более оптимальных форм организации крестьянской усадьбы, позволяющих приспособиться к изменившимся социально-экономическим условиям.

Коренным переломом в организации усадебных комплексов крестьян Притомья следует назвать *период 1930–1953 гг.* Основной причиной трансформации крестьянских хозяйств послужила политика коллективизации, которая по сути носила принудительный характер [3]. Отличительной особенностью первой половины данного периода является резкое снижение доходов крестьянского населения Западной Сибири, изменение формы организации хозяйства и форм собственности, прежде всего на землю [9], что для земледельческих хозяйств стало критическим. Внедрение машинного труда как единственной формы обработки земли, формирование колхозных стад крупного рогатого скота [10] в свою очередь привело к сокращению количества скота у населения, т. к. основной формой формирования колхозного стада, по воспоминаниям Ильи Егоровича Чахлова, 1921 г. р. (д. Чахлово, Кемеровская область), была конфискация личного скота крестьян. По воспоминаниям информатора, его отца, Егору Чахлову, «пришлось выгнать всех коров, чтоб не раскулачили». Вопрос влияния происходящих событий 1930–40-х гг. на формирование жилища и усадьбы на территории Западной Сибири также подтверждается данными современных исследователей [11].

Следовательно, первым элементом, подвергшимся трансформации, стали чистые дворы крестьян-старожилов. Ввиду острой необходимости в организации колхозов и отсутствии необходимых для этого ресурсов, многие дома зажиточных крестьян были изъяты в пользу колхозных управлений для организации контор, предприятий по производству валенок, упряжи и пр., больниц и школ. Примером таких изъятий является дом по адресу село Зарубино, ул. 50 лет Октября, 40. Данный дом, построенный в начале 1900-х гг., в результате изъятия был переделан в пимокатню без изменения планировочных решений (по словам собственников дома) (рис. 5).

По данным Ивана Ильича Чахлова (составлено по воспоминаниям отца, Ильи Чахлова, 1921 г. р.), 1948 г. р., жителя г. Болотное Новосибирской области, жившего ранее в с. Чахлово Юргинского района, данная тенденция в некоторых деревнях носила массовый характер. Аналогичную информацию приводит Макурин Игорь Михайлович, 1946 г. р., житель с. Макурино Кемеровской области, о том, что его отец, Михаил Макурин, «раскатал дом, потому что боялся, что его (дом) в колхоз заберут». Данную тенденцию нельзя считать ключевой, однако свое влияние на последующий период она оказала.

Если анализировать ситуацию по изменениям планировочных решений усадьбы относительно хозяйственных построек, то кардинальных изменений

в массовом порядке не произошло, ввиду активных политических событий 1930–40-х гг. Анализируя материалы Е.А. Ащепкова за 1950 г. [7, с. 28–51], можно сделать вывод о снижении темпов строительства и сохранении планировочных решений усадеб аналогично периоду 1900–30-х гг. Данный вывод можно сделать на основании сохранения зданий и сооружений, относящихся к раннему периоду, при этом воспоминания о строительстве новых домов и усадеб информаторы Зайцев Егор Павлович, 1941 г. р. (с. Камышовка, Мариинский район), Торгунаков Алексей Никонович, 1933 г. р. (с. Колеул, Мариинский район), относят к периоду 1950–60-х гг. Причиной снижения темпов строительства, а по факту его заморозки, становится политика коллективизации в период 1930–40-х гг., при которой происходили кардинальные изменения в организации трудовой и общественной жизни крестьян. Ввиду высоких продовольственных налогов и постоянной занятости в работе коллективных хозяйств, произошло фактическое обнищание населения, повлекшее за собой невозможность нового строительства. По сути причиной схлопывания архитектурно-планировочной структуры усадьбы в период 1930–50-х гг. стали социально-экономические факторы, выраженные в обнищании крестьян в период коллективизации и Великой Отечественной войны.

Рис. 5. Жилой дом с. Зарубино, Кемеровская область, ул. 50 лет Октября

Результатом произошедших событий стало резкое изменение качества строительства в **период 1950–1960-е гг.** Резкое снижение трудоспособного мужского населения на селе в совокупности с низким уровнем жизни привело к деградации строительных традиций. Признаком таких деградаций является «усреднение» традиций. Наиболее ярко это выражено в организации жилой зоны усадьбы. Несмотря на имеющиеся культурные различия в планировке домов и постановке их на участке, к периоду 1950-х гг. в основной своей массе стали применяться пятистенки с ориентацией фасадов на улицу, при этом при строительстве новых усадеб нередко стали применять «перекатанные» дома, т. е. ли-

бо купленные и перенесенные на новое место, либо перебранные из других, более крупных по размеру домов. Примером такого дома является дом в деревне Безменово по ул. Набережной, 14, 1900-х гг. строительства (рис. 6), перевезенный в указанный период из Томской области в начале 1950-х гг. В первоначальном местопребывании дом принадлежал купцу, однако при перевозке он был разделен на трех собственников, сохранив при этом исходную планировку.

Рис. 6. Жилой дом в с. Безменово по ул. Набережной, 14

По факту изменения остальных элементов структуры усадеб для определения тенденции в изменении функционально-планировочных решений на сегодняшний день недостаточно данных. Однако нельзя не упомянуть о примерах «совмещения» традиций. Анализируя планировочные решения усадеб с. Кожевниково (ул. Озерная, 14) (рис. 7 и 8) и с. Проскоково (Кандерепский пер, 14) (рис. 9), можно выдвинуть предположение о совмещении решений старожильческих и переселенческих традиций в организации усадеб.

Рис. 7. Планировка двора в с. Кожевниково по ул. Озерной, 14

Рис. 8. Внешний вид дома в с. Кожевниково

Рис. 9. Планировка двора в с. Просоково по пер. Кандерепскому, 14

От старожилов были переняты системы зонирования усадьбы на чистую и «грязную» части, где в чистой части вместо амбаров ставились кладовые, для хранения инвентаря, и помещения для хранения угля, дров и пр. В «грязную» часть, в свою очередь, сводились постройки для хранения скота, птицы, баня и уличный санузел. Данный тезис на сегодняшний день пока не может быть сформулирован как закономерность, поскольку для установления его массовости необходимо провести ряд полевых исследований. Однако о существовании данных тенденций можно судить на основании решений усадеб, построенных в период 60–80-х гг. XX в. Примером такой усадьбы является усадьба И.И. Чахлова в г. Болотное Новосибирской области (рис. 10) (информатор имеет происхождение из с. Чахлово Кемеровской области) с характерным для переселенческих культур расположением дома и скотного двора. Следовательно, данное предположение, несомненно нуждающееся в проверке, имеет высокий шанс быть верным.

Рис. 10. Планировочные решения усадьбы И.И. Чахлова (строительство 1973–1974 гг.)

Таким образом, анализируя изменения в планировочных решениях усадеб, следует отметить характер одновременного усреднения и угасания строительных традиций, однако при этом необходимо подчеркнуть сохранение определенных элементов этих традиций. Причиной угасания традиций стали социально-экономические факторы, причинами сохранения и усреднения – этнокультурные особенности строительства.

Анализируя же период 1900–60-х гг. в целом, следует прийти к выводу о стагнации культуры строительства, при этом имеющей революционный характер изменений. Ключевыми же факторами данных изменений являлись социально-экономические факторы и этнические особенности строительства, которые, в свою очередь, позволили сохранить ключевые элементы функционально-планировочных решений усадеб славянского населения Притомья.

Заключение

Период 1900–1960-х гг. является ключевым периодом в трансформации сибирской деревни. По результатам анализа функционально-планировочных решений крестьянских усадеб Притомья в указанный период были определены следующие характерные особенности трансформации:

1. Процесс трансформации крестьянских усадеб Притомья разделяется на три характерных периода: с 1900 по 1929 гг. – период эволюционной адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям; 1930–1950 гг. – период экономического прессинга крестьянских хозяйств государством и, как следствие, начало его стагнации. 1950–1960 гг. – период начала угасания и усреднения архитектурных традиций образца 1900-х гг.

2. Ключевыми факторами трансформации функционально-планировочных решений усадеб в первый период были социально-экономические и культурные (этнические особенности строительства) факторы в равнозначительной мере, во второй период произошло усиление экономического фактора посредством политических решений советского правительства, в третьем периоде сформировалось его закрепление как преобладающего.

3. В первый период трансформация функционально-планировочных решений усадьбы носила эволюционный характер изменения, причем основной чертой данных изменений была адаптация к изменяющимся условиям. Трансформация второго периода носила революционный характер, при этом основной чертой происходящих изменений была попытка выживания существующих традиций в новых условиях. В третий период произошло закрепление характера изменений предыдущего периода и начало периода потери архитектурно-строительных традиций образца 1900-х гг.

Настоящее исследование не является законченным. В дальнейшем планируется рассмотреть трансформацию функционально-планировочных решений усадеб сельских жителей Притомья в период 1960-х гг. по настоящее время для определения характера влияния основных факторов воздействия на формирование планировочных решений усадьбы в период революционных изменений XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. 144 с.
2. Скрябина Л.А., Мархель А.С. Научный отчет экспедиции этнографического отдела музея-заповедника «Томская Писаница» 1991 // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. № 2. С. 119–136.
3. Ильиных В.А. Аграрный строй в Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 620–630.
4. Скрябина Л.А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 130 с.
5. Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в 1920-е гг.: этапы, тенденции // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. Т. 22. С. 76–81.
6. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Строительные традиции русских старожилов в Сибири в XX веке: общее и особенное // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22, С. 521–523.
7. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.
8. Любимова Г.В. Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX – начала XX века // Баландинские чтения. 2018. № 1. Т. 13. С. 518–522.
9. Ильиных В.А. Функционирование колхозной системы в Западной Сибири в 1935–1937 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2019. С. 24–32.
10. Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 27–33.
11. Булгач Р.В., Симагин В.А. Некоторые вопросы генерации сельского жилища Зауралья // Известия вузов. Строительство. 2003. № 12. С. 88–94.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Yu. Arkhitekturno-stroitel'nye traditsii krest'yanstva severnoi chasti Verkhnego Priob'ya: Problemy evolyutsii i kontaktov (seredina XIX – nachalo XX v.) [Architectural and construction traditions of peasantry in the northern part of the river Ob region in the 19th and early 20th centuries]. Novosibirsk, 2002. 144 p. (rus)
2. Skryabina L.A. Markhel' A.S. Nauchnyi otchet ekspeditsii etnograficheskogo otdela muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» 1991 [Scientific report of the ethnographic department of the Tomskaya Pisanitsa Museum, 1991]. Uchenye zapiski muzeya-zapovednika 'Tomskaya Pisanitsa'. 2016. No. 2. Pp. 119–136. (rus)

3. *Il'inykh V.A.* Agrarnyi stroi v Sibiri v XX veke: etapy transformatsii [The agricultural system in Siberia in the 20th century: stages of transformation]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 2012. No. 1. Pp. 620–630. (rus)
4. *Skryabina L.A.* Russkie Pritom'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.) [Russian Pritomiye. Historical and ethnographic sketches (17–20th centuries)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 130 p. (rus)
5. *Il'inykh V.A.* Sotsial'naya mobil'nost' sibirskogo krest'yanstva v 1920-e gg.: etapy, tendentsii [Social mobility of Siberian peasantry in the 1920s: stages, trends]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2015. No. 3. V. 22. Pp. 76–81. (rus)
6. *Mainicheva A.Yu. Glukhikh E.I.* Stroitel'nye traditsii russkikh starozhilov v Sibiri v XX veke: obshchee i osobennoe [Construction traditions of Russian old-timers in Siberia in the 20th century]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. 2016. V. 22. Pp. 521–523. (rus)
7. *Ashchepkov E.A.* Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoi Sibiri [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moscow, 1950. 140 p. (rus)
8. *Lyubimova G.V.* Russkie Sibiri: problemy ekologicheskoi adaptatsii agrarnykh pereselentsev kontsa XIX – nachala XX veka [Russians in Siberia: problems of ecological adaptation of agrarian migrants late in the 19th and early 20th centuries]. *Balandinskie chteniya (Coll. Papers in memory of S.N. Balandin 'Balandin Readings')*. 2018. No. 1. V. 13. Pp. 518–522. (rus)
9. *Il'inykh V.A.* Funktsionirovanie kolkhoznogo sistema v Zapadnoi Sibiri v 1935–1937 godakh [Functioning of the collective farm system in West Siberia in 1935–1937]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. 2019. Pp. 24–32. (rus)
10. *Il'inykh V.A.* Kollektivizatsiya derevni: proekty i real'nost' [Collectivization of village: prospects and reality]. *Gumanitarnye nauki Sibiri*. 2013. No. 4. Pp. 27–33.
11. *Bulgach R.V., Simagin V.A.* Nekotorye voprosy generatsii sel'skogo zhilishcha Zaural'ya [Problems of rural housing in the Transurals]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Stroitel'stvo*. 2003. No. 12. Pp. 88–94. (rus)

Сведения об авторах

Рублев Матвей Анатольевич, аспирант, ассистент, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), 630008, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113, teodrub@yandex.ru

Булгач Рубэн Вячеславович, канд. архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 38, gfgfvf@ngs.ru

Authors Details

Matvei A. Rublev, Research Assistant, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 113, Leningradskaya Str., 630008, Novosibirsk, Russia, teodrub@yandex.ru

Ruben V. Bulgach, PhD, Novosibirsk State University Of Architecture, Design And Fine Arts, 38, Krasniy Ave., 630099, Novosibirsk, Russia, gfgfvf@ngs.ru